

УДК 81'373.21

РУМЕЙСКО-УРУМСКО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОЙКОНИМОВ В ОЙКОНИМИИ ДОНБАССА

Жарикова М. В.

Горловский государственный педагогический институт иностранных языков, г. Горловка

В статье рассматривается взаимодействие урумских, румейских и восточнославянских элементов в процессе создания и функционирования ойконимов на территории Донбасса. Топонимы приазовских греков исследуются главным образом на основе их фиксации во 2-й пол. XIX в. и в 60-80-е годы прошлого века.

Ключевые слова: топонимия, топоним, ойконимия, ойконим, юго-восточная Украина.

Постановка проблемы. Известный ономаст В. А. Никонов в одной из работ отмечал, что собственное имя – это ориентир во времени и пространстве. Это высказывание как нельзя лучше подходит к характеристике топонимов в целом и ойконимов в частности, которые в своих основах содержат богатый материал не только о топографических особенностях, животном и растительном мире конкретной территории, но и об истории ее заселения, быте и традициях народа, жившего в определенный период в данном регионе, следовательно, несут географическую, историческую и языковую информацию. Поэтому изучение ойконимов в аспекте отражения в них как внутриязыковых, так и внеязыковых, социально-исторических процессов представляет интерес для лингвистов, а также историков и этнографов.

Для малых этнических групп населения, которые проживают на территории Украины, проблема сохранения культуры и языка особенно значима. В связи с этим большое значение приобретает научное осмысление особенностей их ономастикона. Один из таких этносов – греки. Географические названия с румейскими и урумскими элементами привлекли к себе внимание только в 60-70-е годы прошлого столетия. Инициатором их изучения был профессор А. А. Белецкий. Значительное внимание гидронимам приазовских греков было уделено в работах Е. С. Отина. Однако в настоящее время отсутствует обобщающее исследование по типологии всех известных нам урумо-румейско-славянских топонимических гибридов на юго-востоке Украины. В этом и состоит актуальность и новизна данной работы.

Цель статьи – исследовать и описать румейско-урумско-восточнославянское взаимодействие в процессе создания и функционирования ойконимов в ойконимии Донбасса.

Объектом изучения является «молодая» ойконимия Донетчины XVIII–XXI вв., сложившаяся в результате заселения этого региона носителями разных языков, в том числе, украинцами, россиянами, «приазовскими греками» – румеями и урумами.

Ойконимия «приазовских греков», сложившаяся во 2-й половине XVIII – начале XIX вв., представлена двумя синхронно связанными пластами – *урумским* (близким к крымскотатарскому языку) и *румейским* (генетически связанным с северным наречием новогреческого языка) и имеет два диахронных яруса: *нижний*, состоящий из названий, перенесенных в Северное Приазовье из Крыма православными греками, и *верхний*, представленный названиями новых селений или их частей, появившихся на новом месте и отражающих новые реалии жизни приазовских греков. Воздействие русско-украинского двуязычия на их живую речь и топонимию привело к полилингвальным гибридам, возникшим вследствие разноуровневой интерференции (*Комар, Комарь* вместо *Камара; Долинтарево, Гурджи-ту-Хутра, Левку-ту-Хутра, Бешеве* вместо *Бешев, Чердаклы* как форма множественного числа: в *Чердаклах* и др.).

Отмеченная сложность языкового существования приазовских греков не могла не отразиться в сфере создававшихся ими географических названий. В Северное Приазовье из Крыма были перенесены многие гибридные румейско-крымскотатарские и румейско-урумские топонимы, а также модели создания подобного рода гибридов (ср. в этой связи данные в: [1, с. 171]). Греки создали богатую топонимию, которая функционирует до настоящего времени и представлена названиями «хозяйственных угодий и различных сооружений, балок, речек, ручьев, холмов, дорог, кладбищ, мест развлечений и т. д.» Основой для ее формирования послужили перенесенные крымские ойконимы [7, с. 43]. Интерференционное взаимопроникновение языков отмечается практически во всех разрядах местных топонимов, в том числе и в ойконимах, однако его интенсивность и качество различны в разных классах топонимов.

Названия греческих поселений, созданные путем переноса готовых ойконимных форм, составили исходный набор единиц, на которые опирался процесс пополнения этой ойконимной подсистемы региона новыми единицами.

Греки основали в Приазовье 24 селения. Практически все их названия перенесены из Крыма. Основателями селений могли быть выходцы как из одного, так и из нескольких селений. В первом случае проблемы выбора названия для переноса не существовало. Так возникли, например, названия *Бешев*, совр. *Старобешево; Каракуба*, совр. *Раздольное*. Во втором случае могло переноситься как одно, так и два названия. Зависело это от количества переселенцев из конкретных крымских сел. При заметном количественном перевесе выходцев из одного селения переносилось название именно этого селения. Подобная номинационная ситуация имела место при переносе крымских ойконимов *Ласпа, Керменчик, Карань, Гурзуф, Чердаклы, Старый Крым, Улаклы*. Если же такого количественного перевеса не наблюдалось, на приазовский населенный пункт могли переноситься два названия, при этом одно из них закреплялось как официальное, а второе – как неофициальное. Это наблюдалось при назывании таких селений, как: 1) *Янисоль*, совр. *Куйбышево*, Влдр. – на него перенесли два названия: *Ени Сала* (>

Янисоль > *Малый Янисоль* > *Куйбышево*) и *Джемрек*; официальным стало первое из них. (Само селение основали выходцы из крымских сел Ени Сала, Ени Кой, Джемрек и Уйшун); 2) *Янисоль*, совр. *Великая Новоселка*, Внс. – на него перенесли два названия: *Салт Ени Сала*, которое упростилось в *Ени Сала*, а затем в *Янисоль* (> *Большой Янисоль* > *Великая Новоселка*) и стало основой для официального именованья, и *Салгир Ени Сала*, употреблявшееся в неофициальной сфере; 3) *Константинополь*, Внс. – селение в момент его основания в 1779 г. имело два названия – *Фуна* и *Демерджи*. В этом случае двуименность была свойственна селению еще в Крыму (селение основали выходцы из крымских сел Фуна (Демерджи), Алушта, Улунь-Узень, Кучук-Узень, Куру-Узень). Данный факт наводит на мысль о том, что для номинационного сознания переселенцев ситуация двуименности селений была привычной, они этот принцип перенесли из Крыма. Следствием его применения явилось увеличение количества ойконимов по сравнению с количеством селений.

Есть и другого рода факты, свидетельствующие о высокой значимости для приазовских греков принципа переноса ойконимов с исторической родины на новые места жительства. Так, поселок, построенный в 1930 г. восточнее ж/д ст. Карань, получил название *Кизил Таш*, перенесенное из Крыма уже потомками тех, кто ранее переселились на эти земли из данного крымского села [7, с. 40].

Несомненное влияние этого принципа проявляется и тогда, когда в качестве производящих единиц используются топонимы или антропонимы, связанные с Грецией, ее историей и культурой, т. е. обладающие культурными коннотациями. К таким названиям относятся *Афины*, совр. *Заря*, Влдр.; *Византия*, совр. *Ключевое*, Влдр.; *Фессалия*, уже не существующий НП, основанный в 1925 г. недалеко от с. Красная Поляна, Внс.; *Константинополь*, б. *Фуна*, Внс. Все эти названия возникали уже в XX в., следовательно, непосредственной связи с процессом переселения греков в Приазовье не имеют; их перенос обусловлен исторической памятью народа.

В своих структурах перенесенные из Крыма ойконимы содержат разнообразные следы языкового контактирования, возникшего еще до момента переселения.

Результаты контактирования урумского и румейского языков с русским и украинским языками в номинационном плане проявляются в названиях греческих поселений, создававшихся как новые ойконимные формы.

Первая волна переселенцев редко прибегала к созданию оригинальных ойконимов, в основе которых лежали бы местные топонимы или топонимообразовательные элементы родного языка. Однако по мере роста количества выселков (хуторов) из первичных селений активизируется процесс создания ойконимов на основе существующей местной топонимии и антропонимии с привлечением восточнославянских ойконимообразовательных средств и моделей. Существенное влияние в этом направлении оказала столыпинская реформа. Ср., например, такие данные: в период столыпинской реформы из *Старого Керменчика*, совр. *Старомлиновка*, Внс. на хутора вышло около 30 крестьянских семей, а 160 семей получили отруба [15, с. 99]. Указанная номинационная тенденция реализовалась следующими путями:

1. Производящим словом выступают названия исходных селений, т. е. изначально перенесенные ойконимы, к которым добавляются определители *новый, малый*, выполняющие роль словообразовательных формантов: *Бешево > Новобешево; Ласпа > Новоласпа; Комар > Новый Комар; Керменчик > Малый Керменчик; Сартана > Новая Сартана; Каракуба > Новая Каракуба.*

2. Производящим словом выступает фамилия/прозвище основателя хутора, к которой добавляются артикль и географический апеллатив: *Джавлах-ту-Хутра, Думбалака-ту-Хутра.*

3. Производящим словом выступает фамилия основателя хутора, которая подвергается ойконимизации: *Койбаи.*

4. Производящим словом выступает местный топоним: *Данил Тарама < б. Данил Тарама; Кичиксу < б. Кичиксу.*

5. Производящим словом выступает географический термин родного языка: *Бугас*, Влнв. < богаз, бугаз – 'проход; пролив; ложбина' [7, с. 39].

Взаимодействие языков при образовании рассмотренных ойконимов проявляется не только посредством заимствования производящей лексемы из другого языка, но и через механизм номинационной аналогии, при котором ойконимообразовательный процесс ориентируется на славянские ойконимные модели (данная ориентация является следствием освоения греками русского и украинского языков).

Ойконимы, возникшие путем переноса готовых единиц с территории Крыма, в живом употреблении подвергались воздействию иноязычной (восточнославянской) языковой среды. Греческие поселения достаточно быстро утратили свой моноэтнический, точнее, этнически замкнутый характер. Этому во многом способствовали реальные условия проживания греков. Как и все иностранные колонисты, они получили от государства право владения 30 десятинами земли на ревизскую душу, однако освоить пожалованные земли не смогли в силу очень низкого естественного прироста греческого населения, обусловленного тяжелыми естественно-географическими и климатическими условиями, а также условиями труда. В связи с этим избыточные земли были позже переданы другим переселенцам, среди которых преобладали государственные крестьяне из различных губерний Российской империи – Полтавской, Харьковской, Черниговской, Курской, Смоленской. Затем сюда начали переселять своих крепостных русские помещики, что всемерно поощрялось государством. В результате к концу XIX в. Приазовье стало в высокой степени полиэтнической территорией с преобладанием восточнославянского населения. Украинцы и русские селились не только отдельно от греков, но и вливались в состав населения греческих сел. В совокупности все это создавало условия для активного языкового контактирования во всех сферах языковой деятельности, в том числе и в онимии.

Языковая интерференция охватывает прежде всего фонетическую реализацию рассматриваемых названий, но при этом она довольно часто приводит и к грамматическим преобразованиям в ойконимных единицах. Ср: «В документах дореволюционного времени и советского периода (до середины 40-х годов) встречаемся с такими формами именования Великой Новоселки, как *Большая Ени-*

Сала, Большой Янисоль, Больше-Янисель, Большой Янисаль и др.»; *Комар, Комарь, Комара, Комари, Комары*; *Ласпа, Ласпи, Каракуба, Каракуб* [6, с. 37, 42, 53, 114].

Фонетические преобразования в ойконимах могли базироваться не только на полном непонимании внутренней формы названия, но и на народноэтимологическом переосмыслении утраченной внутренней формы названия, например, *Керменчик* > *Кременчик* (ср. привычные и понятные для славянского населения ойконимы *Каменка, Каменное, Каменоватское, Каменс, Кременное, Кременная, Кременевка*).

Восточнославянское ойконимное окружение могло вызывать морфемно-структурную перестройку греческой (точнее, румейской или урумской) ойконимной формы. Так, в ойкониме *Бешев* (*беш* ‘пять’, *эв* ‘дом, жилище’) «финаль *-эв* стала восприниматься как суффикс. Благодаря морфологической адаптации в украинско- и русскоязычной среде под влиянием топонимов типа *Селидово, Иваново* ойконим *Бешев* получает и окончание среднего рода. Впервые с флексией среднего рода он зафиксирован в СКЗР (LVIII), в конце XVIII в.» [7, с. 40].

Появление ойконимных форм с элементами *новый, ново-*, как правило, приводило к структурно-словообразовательной перестройке исходных производящих ойконимов: в их состав вводились элементы *старый, старо-, большой, больше-*, аналогично тому, как это наблюдается в восточнославянской ойконимии. Ср.:

Бешев [9, с. 15, 16, 26], *Бешево* [10; 11, с. 4; 13, с. 228] > *Старобешево* [12] < *Ново-Бешево* [11, с. 4], *Новая Бешево* [13, с. 232];

Ласпа [8; 11, с. 4; 12] > *Староласпа* [13, с. 232], *Старая Ласпа* [5] < *Новоласпа*; *Керменчик* [9, с. 14] > *Старый Керменчик* [4, с. 129; 13, с. 226] < *Новый Керменчик* (возник в 1793 г. [14, с. 53]), совр. *Старомлиновка*, Внс. и *Новомлиновка*; *Карань* [8; 11, с. 6; 13, с. 23] > *Старая Карань* [3, с. 680; 12, с. 83], совр. *Гранитное*, Тлмн. < *Новая Карань* [7, с. 38];

Каракуба [2, с. 497; 11, с. 6] > *Большекаракуба* [13, с. 229], совр. *Раздольное*, Стбш. < *Новая Каракуба* [2, с. 497; 8], совр. *Красная Поляна*, Внс.

В середине 40-х годов XX в. целый ряд селений приазовских греков подвергся переименованию, вследствие чего исконные ойконимы на несколько десятилетий переместились в разряд неофициальных. При создании славянских названий внутренняя форма заменяемого ойконима в большинстве случаев не учитывалась, возникали, как правило, именованья, ориентированные на типовые восточнославянские ойконимные модели/единицы, или идеологически окрашенные. Ср.: *Большая Каракуба* > *Раздольное*; *Афины* > *Заря*; *Бугас* > *Максимовка*; *Мангуш* > *Першитравневое*; *Сартана* > *Приморское*; *Урзуф* > *Приморское*; *Византия* > *Ключевое*; *Старый Керменчик* > *Старомлиновка*; *Чермалык* > *Заможное*; *Чердаклы* > *Красновка*; *Мариуполь* > *Жданов*. Опора на внутреннюю форму заменяемого названия имела место только при создании форм *Великая/Большая Новоселка* < *Большой Янисоль* < *Ени Сала* ‘новое село’, *Гранитное* (народноэтимологическое сближение лексемы *кермен* ‘крепость’ с лексемой *кремень* ‘камень’).

Выводы. В результате переименования сложились условия для усиления функционально-стилистической вариативности в этой локальной ойконимной подсистеме. В конце 90-х годов XX в., когда ряд исконных греческих названий снова вернули в официальное употребление, в ней произошла еще одна функционально-стилистическая перестройка. Микропонимия греческих сел содержит значительно большее количество гибридных форм, чем ойконимия.

Нами рассмотрены топонимы приазовских греков главным образом на основе их фиксации во 2-й пол. XIX в. и в 60-80-е годы прошлого века. В перспективе – изучение их состояния, динамики изменений и функционирования в наше время.

Список условных сокращений

б.	бывший
Влдр.	Володарский р-н Донецкой области
Влнв.	Волновахский р-н Донецкой области
Внс.	Великоновоселовский р-н Донецкой области
ж/д ст.	железнодорожная станция
СКЗР(LVIII)	Специальная карта западной части России (приблизительно 2-я половина XVIII в.) / [Г. А. Шуберт]. – ЦГВИА, фонд ВУА, ед. хр. 21512.
совр.	современный
Стбш.	Старобешевский р-н Донецкой области
Тлмн.	Тельмановский р-н Донецкой области

Список литературы

1. Бушаков В. А. Лексичний склад історичної топонімії Криму / В. А. Бушаков. – К.: Інститут сходознавства НАН України, 2003. – 228 с.
2. Географическо-статистический словарь Российской империи / [сост. по поручению имп. Русского Географического общества П. П. Семенов при содействии членов В. Зверинского, Н. Филиппова и Р. К. Маака]: В 5 томах. – СПб.: Издательство В. Безобразов и К., 1863-1885. – 4224 с.
3. История городов и сел УССР в 26 томах: Донецкая область / [редколлегия: Г. П. Ерхов и другие]. – К.: Главная редакция Украинской Советской энциклопедии, 1976. – 810 с.
4. Материалы к оценке земель Екатеринославской губернии: естественно-историческая часть. Мариупольский уезд. – Вып. 1 / [под ред. В. Курилова]. – Екатеринослав: Печатня С. П. Яковлева, 1904. – 327 с.
5. Материалы топонимических экспедиций Донецкого государственного университета в 1965-1973 гг.
6. Отин Е. С. Избранные работы / Е. С. Отин. – Донецк: Донеччина, 1997. – 470 с.
7. Отин Е. С. Из заметок к лекциям по топонимике / Е. С. Отин // Восточнославянский лингвистический сборник. – Донецк: Донеччина, 2000. – № 6. – С. 37-54.
8. Почвенная карта Мариупольского уезда. 1904 г. (приложение к МОЗЕГ-МУ 1904 г.).
9. Серафимов С. Крымские христиане (греки) на северных берегах Азовского моря / С. Серафимов // Херсонские епархиальные ведомости. – [2-е изд.]. – Екатеринослав: Типография братства св. Владимира, 1901. – 46 с.
10. Специальная карта западной части России (приблизительно 2-я половина XVIII в.) / [под редакцией Г. А. Шуберта]. – ЦГВИА, фонд ВУА, ед. хр. 21512.
11. Список земельных владений Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. – Екатеринослав: Типография Губернского земства, 1904. – 9 с.
12. Список населенных пунктов Донбасса. Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губернии (январь – февраль 1923 года). – Харьков: Донбасс, 1924. – Т. VI. – 512 с.

13. Справочная книга Екатеринославской епархии за 1913 год. – Екатеринослав: Духовная Консистерия, 1908. – 1103 с.
14. Суперанская А. В. Топонимические универсалии / А. В. Суперанская // Восточнославянская ономастика. – М.: Наука, 1972. – С. 346-357.
15. Темир С. К. Культурно-бытовые и хозяйственные процессы в Приазовье / С. К. Темир // Греко-славянское духовное единство / [под редакцией И. А. Яли]. – Донецк: Редакционно-издательский отдел Донецкого областного управления по печати, 1993. – С. 95-102.

Жарикова М. В. **Румейсько-урумсько-східнослов'янська взаємодія в процесі створення і функціонування ойконімів в ойконімії Донбасу** // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63). – № 4. Частина 2. – С.122-128.

У статті розглядається взаємодія урумських, румейських та східнослов'янських елементів в процесі створення і функціонування ойконімів на території Донбасу. Топоніми приазовських греків досліджуються головним чином на основі їх фіксацій у 2-й пол. XIX в. і в 60-80-і роки минулого століття.

Ключові слова: топонімія, топонім, ойконімія, ойкоснім, південно-східна Україна.

Zharikova M. **Rumey-Urum-Eastern-Slavic interaction in the establishment and functioning of oikonyms in Oikonimy of Donbass** // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V. 24 (63). – № 4. Part 2. – P.122-128.

The article analyses the interaction of Urum, Rumei, and Slav elements in the process of creation and functioning oykonyms in territory of Donbass. Toponyms of Azov's Greeks is investigated on the basis of their fixation in second XIX v. and in the 60-80 years last century.

Key words: toponymy, toponym, oikonimiya, oikonym, south-eastern Ukraine.

Поступила в редакцію 29.09.2011 г.